

Борис ПОРФИРЬЕВ

**УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ, КЛИМАТ
И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ:
СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И РЕШЕНИЯ ДЛЯ РОССИИ**

ВЫПУСК 208

Санкт-Петербург
2020

ББК 65.28
П59

Рекомендовано к публикации
редакционно-издательским советом СПбГУП

Порфирьев, Б. Н.

П59 Устойчивое развитие, климат и экономический рост: стратегические вызовы и решения для России / Б. Н. Порфирьев. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2020. — 40 с. : ил. — (Избранные лекции Университета ; Вып. 208). — ISBN 978-5-7621-1085-3. — Текст : непосредственный.

Лекция известного ученого-экономиста, директора Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, академика РАН Б. Н. Порфирьева, прочитанная в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов 27 января 2020 года, посвящена реализации Повестки дня в области устойчивого развития, принятой ООН в 2000 году.

Рассматриваются проблемы глобального изменения климата, использования возобновляемых энергетических ресурсов вместо углеводородов, снижения вредных выбросов и другие факторы, влияющие на состояние окружающей среды и качество жизни населения. Особое внимание уделяется мерам, принимаемым в России в области энергетики, развития инфраструктуры, адаптации экономики к современным экологическим требованиям.

Адресовано преподавателям, студентам, аспирантам гуманитарных вузов, а также широкому кругу читателей.

ББК 65.28

ISBN 978-5-7621-1085-3

© Порфирьев Б. Н., 2020
© СПбГУП, 2020

Научное издание

ПОРФИРЬЕВ Борис Николаевич

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ, КЛИМАТ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И РЕШЕНИЯ ДЛЯ РОССИИ

Ответственный редактор *С. А. Зинченко*
Редакторы: *П. И. Гринберг, В. Г. Даниленко*
Дизайнер *С. В. Кириллов*
Технический редактор *Л. В. Климкович*
Корректоры: *Я. Ф. Афанасьева, Т. А. Кошелева*

ISBN 978-5-7621-1085-3

Подписано в печать с оригинал-макета .20
Формат 60×90^{1/16}. Гарнитура Times New Roman
Усл. печ. л. 2,5. Тираж 500 экз. Заказ №

Санкт-Петербургский
Гуманитарный университет профсоюзов
192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15

Академик Борис Порфирьев — в СПбГУП

Сегодня у нас в гостях известный ученый-экономист, академик Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор Борис Николаевич Порфирьев.

Борис Николаевич родился 20 августа 1955 года в Москве. В 1977 году с отличием окончил кафедру экономической географии капиталистических стран географического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова по специальности «география (экономическая география зарубежных стран)». В дальнейшем работал в институтах Академии наук СССР (в настоящее время — Российская академия наук).

В 1981 году в Институте востоковедения АН СССР защитил кандидатскую диссертацию по специальности «мировая экономика», в 1990 году во ВНИИ системных исследований АН СССР (ныне — Институт системного анализа РАН) — докторскую диссертацию по специальности «управление в социальных и экономических системах» (ныне «экономика и управление»). В 1996 году нашему гостю было присвоено ученое звание профессора.

С 2010 года научная деятельность нашего гостя связана с Институтом народнохозяйственного прогнозирования РАН. Сначала он заведовал лабораторией анализа и прогнозирования природных и техногенных рисков экономики, в 2012 году, не оставляя руководства лабораторией, стал заместителем директора, а в 2017-м — директором Института.

В 2011 году Б. Н. Порфирьев был избран членом-корреспондентом РАН по специальности «экономика», в октябре 2016-го стал академиком РАН, через год — членом Президиума РАН. С октября 2019 года исполняет обязанности руководителя Секции экономики Отделения общественных наук РАН.

Наш гость является крупным специалистом в области экономики природопользования и экологической экономики, а также в сфере теории и практики управления экономическими системами в условиях риска и неопределенности, в том числе анализа, оценки и прогнозирования природных и техногенных (включая

климатические) рисков экономического развития, ведущим ученым в области экологической энергетики. Его научная и педагогическая деятельность охватывает исследование кризисных ситуаций в экономике, вопросов экологической экономики и последствий изменений климата и адаптации к ним экономики, социально-экономических проблем предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

Основные научные результаты деятельности академика Порфирьева включают: 1) разработку многокритериальных оценок и типологии уязвимости экономических систем к кризисным ситуациям; 2) обоснование концепции цикла управления и модели организации кризисного управления и концепции стратегических рисков (использованы при создании системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и Стратегии национальной безопасности РФ; за эти разработки в 2005 г. присуждена премия МЧС России в области науки и техники); 3) развитие методов оценки системных рисков при реализации крупномасштабных инвестиционных проектов (использованы в практике управления крупными энергетическими проектами); 4) обоснование и оценку минимально необходимых инвестиций в безопасность критически важных хозяйственных систем; 5) развитие методологии и методов оценки экономического ущерба и экономической оценки людских потерь от природных и техногенных катастроф, а также методологии программно-целевого управления комплексным развитием Арктической зоны Российской Федерации.

Работы Б. Н. Порфирьева заложили основы нового направления в отечественной экономической науке — экономики климатических изменений, основные концептуальные положения которого были сформулированы в его монографии «Экономика климатических изменений». В 2009 году эта книга была удостоена премии им. Е. С. Варги¹, которая присуждается РАН за выдающиеся научные работы в области мировой экономики. Президиум РАН оценил эту монографию как «пионерскую научную работу в новом и важном направлении исследований мировой экономики».

¹ Премия в честь советского экономиста, известного ученого в области политической экономии капитализма и мировой экономики Евгения Самуиловича Варги присуждается АН СССР (РАН) с 1994 года.

Академик Порфирьев — автор более 300 научных работ, в том числе 6 монографий, 47 книг, из которых 17 изданы за рубежом: в Австралии, Австрии, Великобритании, Германии, Китае, Нидерландах, США, Франции и Швеции. Среди основных трудов можно выделить книги: «Государственное управление в чрезвычайных ситуациях», «Экологическая экспертиза и риск технологий», «Природа и экономика: риски воздействия», «Модернизация промышленности и развитие высокотехнологичных производств в контексте „зеленого роста“».

Наш гость многогранный ученый и организатор, реализует свои знания во многих сферах научно-организационной деятельности. Он является членом ученых и диссертационных советов ряда институтов РАН экономического профиля, а также Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; членом рабочей группы Президиума РАН по подготовке проекта Программы фундаментальных научных исследований в РФ на долгосрочный период; координатором по экономике Программы РАН «Научные исследования в интересах развития Арктической зоны РФ на период 2016–2020 гг. и на перспективу до 2025 г.». В 1988–1990 годах был руководителем рабочей группы и членом Комиссии Верховного Совета СССР по расследованию причин и оценке действий должностных лиц при ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС. Дважды (в 2001–2004 и 2011–2014 гг.) в качестве вице-президента возглавлял Международный комитет по исследованию бедствий и катастроф. Кроме того, академик Б. Н. Порфирьев является членом Правления Вольного экономического общества (ВЭО)¹.

Борис Николаевич — главный редактор журнала «Проблемы прогнозирования», заместитель главного редактора журнала «Проблемы анализа риска», член редколлегий ряда российских и международных научных журналов по проблемам безопасности, в том числе «Contingency Planning and Crisis Management», «Disasters», «Disaster Risk Reduction», «Environmental Hazards», «Environmental

¹ Российская общественная организация, объединяющая ученых-экономистов и специалистов в области управления, финансов, образования, банковской и других сфер с целью развития и укрепления экономики России и ее регионов, всех отраслей народного хозяйства.

Management». Он также ведет педагогическую деятельность и работу по подготовке и аттестации высших научных кадров. Более 15 лет являлся сначала членом, затем председателем Экспертного совета ВАК Минобрнауки РФ по экономике. Многие годы читал лекции и вел семинары в Академии управления МВД РФ, МГУ им. М. В. Ломоносова, Финансовом университете при Правительстве РФ, Российском экономическом университете им. Г. В. Плеханова, Приволжском (Казанском) федеральном университете. Под его руководством успешно защищен ряд кандидатских и докторских диссертаций.

Борис Николаевич женат, у него взрослая дочь.

А. С. Запесоцкий,

*ректор СПбГУП, член-корреспондент Российской академии наук,
доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ*

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ, КЛИМАТ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И РЕШЕНИЯ ДЛЯ РОССИИ

Дорогие коллеги! Искренне рад нашей встрече. Думаю, вы все так или иначе слышали о Стратегии устойчивого развития, которая была предложена ООН еще в конце 1990-х годов. За этим последовало принятие так называемых Целей развития тысячелетия (на период 2000–2015 гг.). В 2015 году в Аддис-Абебе (Эфиопия) состоялась конференция ООН, принявшая Повестку дня (для международного сообщества) до 2030 года, включившую 17 целей устойчивого развития. Сегодня они являются главными политическими ориентирами для всего мирового сообщества.

Концепция устойчивости является трехмерной (3D) категорией, охватывающей: а) экологический, включая климатический, аспект или измерение, наверное, активнее и острее всего обсуждаемые политиками на разного рода мировых форумах; б) социальное и в) экономическое измерения. Последние включают задачи минимизации голода, бедности, укрепления здоровья и развития образования (так называемого человеческого капитала), а также инклюзивного экономического роста, при котором процесс развития охватывает все слои населения, не позволяя людям остаться за бортом экономического прогресса. Сюда же относятся задачи ускорения экономической динамики, что особенно актуально в нынешних условиях торможения роста ВВП по сути дела во всех ключевых странах мира. Это торможение происходит по целому ряду причин, которые являются самостоятельной и довольно объемной темой, вне рамок данного выступления.

Принципиально, что все три измерения и все 17 целей устойчивого развития взаимосвязаны, взаимозависимы и направлены на достижение главной стратегической цели указанного развития — повышение качества жизни людей. В свою очередь, реализация 17 целей предполагает решение 169 задач, каждая из которых имеет свое качественное и количественное описание в виде критериев (параметров) устойчивого развития. Таких индикаторов сегодня насчитывается порядка 260 — это число, в отличие от жестко

закрепленного количества целей и задач, меняется год от года, поскольку индикаторы — часть рабочего процесса, в рамках которого происходит их обсуждение и уточнение.

Стратегии и политики устойчивого развития реализуются странами мира на всех уровнях: на микроэкономическом (предприятия, корпорации и небольшие города), мезоэкономическом (мегаполисы и регионы, производственные комплексы и отрасли), национальном и международном. На *микроэкономическом уровне*, являющемся главным кирпичиком будущего «здания» устойчивой экономики и одновременно «мотором» процесса строительства этого «здания», в последние годы происходит активный переход многих компаний и предприятий к так называемой *CSR*-модели, или корпоративной социальной ответственности. В свою очередь, указанная модель начинает уступать место более комплексной *ESG*-модели (*environmental, social and governance*) принятия решений.

Совокупная стоимость активов компаний, придерживающихся *ESG*-модели, в настоящее время достигает примерно 31 трлн долларов, что эквивалентно немногим менее трети мирового ВВП. Как вы знаете, в своем недавнем Послании Федеральному собранию РФ Президент России призвал отечественный бизнес помнить о своей социальной, экологической ответственности; и, как известно, этот курс начинает пробивать себе дорогу. Особенно это касается крупнейших отечественных компаний, которые являются частью мирового корпоративного сообщества, входят в систему листинга и вынуждены играть по международным правилам.

Вместе с тем этот процесс перехода на рельсы устойчивого развития и в мире в целом, и в России в частности идет медленнее, чем хотелось бы, с ощутимыми противоречиями и трудностями. Причин несколько, но одна из главных заключается, на наш взгляд, в том, что в перечисленных выше моделях принятия решений принципиальная для бизнеса экономическая составляющая устойчивого развития уходит на второй план. Конечно, устойчивое развитие корпораций может и, вероятно, должно сближаться с понятием устойчивого развития общества в целом, но они никогда не будут тождественны. Для бизнеса была и остается главной его успешная коммерческая деятельность, что бы об этом ни говорили, — иначе это уже не бизнес и не рынок.

В связи с этим понятен контраст между приоритетами устойчивого развития корпоративного сектора и населения и гражданского общества. Его отражают, в частности, результаты опроса известной консалтинговой компании *Pricewaterhouse Coopers* в 2017 году. Если приоритеты бизнеса связаны прежде всего с устойчивым экономическим ростом, то у населения и гражданского общества преобладающими целями устойчивого развития являются борьба с нищетой и бедностью, с голодом, улучшение здоровья и повышение благополучия людей.

Об общенациональном и международном уровнях: почти две-сти стран подписались под Целями устойчивого развития ООН; уже приняты активные меры по их реализации. Однако, как и в ситуации с бизнесом, прогресс в осуществлении указанных целей оставляет желать лучшего. Согласно данным Доклада ООН о целях в области устойчивого развития за 2019 год, ни одна страна не может похвастаться темпами достижения всех 17 целей. Наблюдается ощутимое отставание и по всем 169 задачам устойчивого развития. Самое существенное — идет движение «не в ту сторону» по четырем ключевым целям (направлениям), в числе которых: снижение чрезмерного неравенства, смягчение климатических изменений, проблемы снижения биоразнообразия и управления отходами.

Представляется, что главных причин такого положения дел две. Одна из них — *недооценка в стратегии и тактике действий государств неразрывной, органической связи трех измерений устойчивого развития, а также всех 17 его целей*. Как уже отмечалось ранее, все они взаимосвязаны, и недооценка этого обстоятельства означает нарушение (несоблюдение) принципиального требования системности целеполагания. Одним из существенных следствий является отодвигание в тень одной из важнейших целей устойчивого развития (ЦУР № 8) — содействие инклюзивному экономическому росту и обеспечение достойными рабочими местами всех занятых в экономике.

При этом то обстоятельство, что долгосрочный самоподдерживающийся экономический рост невозможен при ухудшении качества окружающей среды, истощении природных ресурсов, обеднении биоразнообразия, растущей неустойчивости климата и так далее, — иллюзорно, осознано и политиками, и значительной

частью бизнеса, не говоря уже об экологических активистах. В то же время осознание того факта, что эффективная экологическая политика, решение проблем, связанных с глобальным изменением климата, крайне затруднены в условиях падающей экономики, — вещь куда более редкая среди политиков, не говоря уже о широкой общественности. В связи с этим феномен Греты Тунберг видится наиболее яркой, но, конечно, не единственной иллюстрацией упомянутого выше.

Другая причина движения «не в ту сторону» по ряду ключевых целей устойчивого развития связана со *смещением приоритетов в системе указанных целей, с гипертрофией в сторону «борьбы с изменением климата» (ЦУР № 13)*. Характерный пример: недавно (февраль 2020 г.) на Всемирном экономическом форуме был представлен доклад экспертов, которые дали оценку глобальных рисков развития на ближайшее десятилетие. На первом месте — провалы политики в отношении изменений климата, опасность которых, по мнению экспертов, превосходит опасность даже ядерной войны, причем не только по вероятности — что можно было бы считать корректным, — но и по последствиям. Это, на наш взгляд, ничего, кроме большого недоумения, вызвать не может. Появляется огромное сомнение в том, что авторы доклада представляют себе реальные опасности ядерной войны.

По нашим расчетам, сделанным на основе многолетнего обобщения данных по главным странам мира, экономический ущерб, наносимый бедствиями гидрометеорологического (климатического) характера, на порядок (то есть десятикратно) уступает ущербу от загрязнения атмосферы вредными и опасными веществами (в число которых главный парниковый газ CO_2 , как известно, не входит). Если сопоставить данные по социальным потерям — количеству погибших в результате бедствий гидрометеорологического (климатического) характера, и по дополнительной смертности, обусловленной загрязнением воздуха вредными и опасными веществами, то это соотношение достигнет 200 с лишним раз!

При этом речь не идет о недооценке значимости проблемы климатических изменений и их последствий для экономики. Очевидно, эти последствия уже существуют, и дальше масштабы их будут увеличиваться. Принципиальный вопрос: что делать и как решать эту

проблему в контексте всего комплекса задач устойчивого развития, поскольку при всей значимости проблема климатических изменений не является единственным и даже главным риском устойчивости. Есть еще полтора десятка таких рисков и вызовов, признанных мировым сообществом, задачи смягчения которых нужно решать вместе, но их приоритеты, особенно в обозримой перспективе, мягко говоря, неодинаковы.

Обратимся к уже упомянутому Парижскому соглашению. Это весьма качественный международный документ, который почему-то значительная часть людей, в том числе тех, кто отвечает за климатическую политику, либо не дочитали, либо прочитали выборочно, не говоря уже о его трактовках. В соглашении четко зафиксировано, что решение проблем изменения климата должно осуществляться в контексте выполнения задач устойчивого развития, прежде всего решения проблемы ликвидации нищеты и бедности. Кроме того, там же четко сформулировано, что в достижении цели устойчивого развития, связанной с изменениями климата, равнозначными — это нужно подчеркнуть — являются три основных направления действий: снижение выбросов парниковых газов, поглощение парниковых газов, которые уже находятся в атмосфере, и адаптация человека, экономики, экосистем к меняющимся климатическим условиям.

Но затем политики начинают трактовать Парижское соглашение, причем весьма своеобразным путем — подстраивая решение задач социально-экономического развития под решение климатических проблем: говорят, что если мы сократим потребление энергии, уменьшим выбросы, сократим поголовье крупного рогатого скота, потребление мяса и так далее, это будет хорошо для климата. Возникает принципиальный вопрос: климат для человека или человек для климата?

Другой вопрос связан со снижением выбросов. Как правило, это полностью отождествляют с декарбонизацией, то есть с удалением углерода или недопущением углеродсодержащих выбросов в окружающую среду, и низкоуглеродной экономикой. Однако в Парижском соглашении речь идет о стратегии с *низким уровнем эмиссии парниковых газов*, к которым относится не только содержащий углерод углекислый газ и метан, но и, например, закись азота

и взвешенные частицы (не газ!). Тем более указанная стратегия не тождественна решению задач по снижению выбросов CO_2 . Хотя он и составляет более 60 % совокупных выбросов парниковых газов, но есть и уже упомянутый метан, который дает почти четверть этих эмиссий, а по парниковому эффекту превосходит углекислый газ более чем в 20 раз (конкретное число варьирует в зависимости от временного интервала).

Особо следует выделить проблему адаптации к изменениям климата, которая является «пасынком» климатической политики, хотя, напомним, Парижское соглашение четко уравнило значимость задач адаптации и снижения выбросов парниковых газов. До сих пор львиная доля усилий и мирового сообщества в целом, и отдельных стран направлена на снижение эмиссий: в частности, затраты на эти цели в 5–10 раз превышают расходы на адаптацию. В то же время независимо от того, по каким причинам изменяется климат (естественным, антропогенным или вместе взятым) и человек, и экономика должны адаптироваться к последствиям указанных изменений, что происходило со времен зарождения человечества, имеет место сегодня и продолжится в будущем.

Модельные расчеты показывают, что даже если завтра полностью прекратить все выбросы парниковых газов, то еще в течение как минимум двух десятилетий ситуация с климатическими изменениями и их последствиями сохранится, не говоря о плачевных перспективах такого сценария для экономики и, главное, для самого человека. При этом обращает на себя внимание то, что в рамках «климатической» цели устойчивого развития (ЦУР № 13) Повесткой дня ООН–2030 предусмотрено решение трех ключевых задач, приоритетной среди которых является адаптация и устойчивость экономики и человека к последствиям климатических изменений, а не снижение выбросов парниковых газов, что имеет место в текущей климатической политике.

Из сказанного никоим образом не вытекает отрицание или недооценка значимости проблемы изменения климата, которая закономерно является одной из целей устойчивого развития мирового сообщества. Но именно «одной из», что означает недопустимость переоценки указанной проблемы в ущерб другим целям устойчивого развития, включая цель всеохватного и устойчивого эко-

номического роста, которая при таком подходе отходит на второй план.

Между тем экономический рост является единственным источником доходов, без которых ни одна из целей устойчивого развития, включая смягчение последствий изменений климата, не может быть достигнута. Хорошо известный, но содержательно плохо понимаемый большинством показатель ВВП, который является главным индикатором роста экономики, на самом деле, если отбросить подробности, есть не что иное, как сумма доходов народного хозяйства. Многие экономисты сегодня его подвергают обструкции, считая, что он не может служить универсальным мерилom экономического успеха. Но дело в том, что нобелевский лауреат С. Кузнец, разработавший этот индикатор в начале 1930-х годов по поручению правительства США, четко очерчивал сферу применения ВВП, подчеркивая, что он не может и не должен использоваться для оценки справедливости распределения доходов, социального неравенства и много другого. В то же время это отличный инструмент для оценки экономической динамики, темпов роста производства.

В последние годы российская экономика растет темпом чуть больше 1 % роста ВВП в год; прогнозы на ближайший год-два — отечественные и зарубежные — свидетельствуют о том, что эти темпы сильно не увеличатся и примерно вдвое будут уступать мировой экономической динамике. По данным Всемирного банка, в 2020 году ожидается рост мировой экономики на 2,5 %, Международного валютного фонда — на 3 %; в нашей стране, как вы знаете, он составляет примерно 1,3–1,4 %. Поэтому в триаде «экономика–экология–климат» в *среднесрочной* (до 2024 г.) перспективе на *общенациональном и макрорегиональном уровнях* наиболее актуальными станут вопросы запуска и поддержания устойчивости экономического роста. В противном случае будут усугубляться и экологические, и климатические последствия, не говоря уже о социальных.

Это связано прежде всего с ухудшением (увеличением) удельных показателей выбросов загрязняющих веществ и парниковых газов даже при абсолютном их снижении. Как показал опыт 1990-х годов, когда глубина падения производства превысила таковую во время

Великой Отечественной войны, показатели абсолютных выбросов существенно снизились, но удельные показатели (вредные и опасные эмиссии в расчете на единицу выпуска продукции) выросли. Причины понятны: эксплуатировались «до упора» и не обновлялись основные фонды, не вводились очистные сооружения, не говоря уже о свалках промышленных и бытовых отходов и тому подобном, что и приводило к росту локального загрязнения окружающей среды вредными и опасными веществами со всеми вытекающими отсюда последствиями для здоровья людей.

Поэтому абсолютное сокращение выбросов — не самоцель, поскольку имеет мало общего со здоровьем и благополучием людей, качество жизни которых — в экологических терминах — определяется показателями концентрации вредных и опасных веществ в данном районе (регионе). В связи с этим в *конкретных районах и агломерациях*, особенно промцентрах Сибири, Урала, где загрязнение воды, воздуха реально угрожает здоровью людей, в вышеупомянутой триаде «экономика–экология–климат» приоритет, несомненно, должен принадлежать решению экологических проблем.

Ускорение динамики экономики, о котором шла речь ранее, — условие необходимое, но недостаточное для устойчивого развития. Важно и качество развития: необходима модернизация, структурная и технологическая, нужны инвестиции как в основной капитал и производственные технологии, так и в человеческий капитал — в образование, науку, культуру. Известно, что в ведущих странах мира это в значительной степени имеется. В структуре их ВВП примерно треть составляет так называемый сектор экономики знаний, куда входят наука, культура, образование, здравоохранение и НИОКР; в России эта доля — порядка 13 % или почти втрое меньше.

Поэтому в развитых и развивающихся экономиках мира (США, Европа, Япония, Китай), опережающих Россию прежде всего в технологическом отношении, ситуация принципиально другая. Там необходимы переформатирование, реструктуризация потока инвестиций в пользу «зеленой экономики» (которая, подчеркнем, не тождественна низкоуглеродной экономике) при незначительном увеличении их объема. Такая смена модели развития, скорость которой неодинакова в разных странах, связана не только с реальны-

ми экологическими вызовами (в Европе только от загрязнения воздуха преждевременно уходят из жизни 800 тыс., в Китае — более 1 млн человек), но и с достигнутым уровнем экономического и технологического развития. Он позволяет несколько снизить темпы роста экономики во время ее решительного поворота в «зеленую» сторону (аналогия с горными лыжами здесь представляется вполне уместной), что должно окупиться — по замыслу стратегов этих реформ — повышением конкурентоспособности, во многом благодаря активно продвигаемым ими новым международным экологическим стандартам качества продукции.

Наиболее ярким примером является Германия. В последние 15–17 лет в этой стране происходит так называемый энергетический переход. Его суть заключается, во-первых, в опоре на энергоэффективность; во-вторых, в развитии возобновляемых источников энергии, которые уже сегодня обеспечивают порядка 38 % электроэнергии в стране. Вместе с тем, используя для этих целей колоссальные государственные субсидии, правительство существенную часть издержек переложило на население, которое за электроэнергию теперь платит почти на треть больше, чем, скажем, 15 лет назад. Кроме того, до сих пор больше половины электроэнергии Германия обеспечивает за счет ископаемого топлива: угля, прежде всего бурого (который они продолжают сжигать, причем в растущих объемах, так как закрывают свои АЭС), а также импортного газа.

Интересны примеры Китая и США, в экономике и энергетике которых также происходят довольно существенные изменения. Наиболее динамично решает свои проблемы Китай, где экологическая ситуация особенно тяжелая (если иметь в виду загрязнение воздуха — прежде всего в крупнейших городах) и непосредственно сказывается на экономике страны. Именно этот, экологический, фактор является главным драйвером лидерства Китая в реализации мировой «климатической» повестки дня. Решая сегодня за счет массивных инвестиций острые экологические проблемы — наследие «безоглядного» экономического роста в 1980–1990-х годах, — для ускорения окупаемости этих вложений и одновременно завоевания новых ниш на мировом рынке оборудования для ветровой и солнечной генерации электроэнергии Китай умело и активно использует климатическую мотивацию, соответствующую приоритетам совре-

менной международной политики. Что касается энергетики, в стране продолжают строиться сверхсовременные угольные ТЭС, которые практически не загрязняют среду, при этом из эксплуатации ускоренными темпами выводятся устаревшие мощности. Кроме того, Китай является одним из мировых лидеров в развитии атомной энергетики. Из четырех новых конструкций атомных реакторов последних лет две — китайские. Отсюда ясно, что Китай, осваивая возобновляемую энергетику, не отказывается от развития и традиционной энергетики, основанной на использовании углеводородов, а также АЭС.

В энергетической политике США правительство Д. Трампа также отдает предпочтение не климатической, а экономической, экологической и военно-стратегической (если иметь в виду АЭС) мотивациям инвестиций. При этом и Китай, и США, да и другие ведущие экономики мира, какую бы риторику они ни использовали в международных переговорах и дискуссиях, реальную политику проводят, учитывая в первую очередь собственные национальные интересы.

То же необходимо России, в которой, как уже подчеркивалось ранее, ситуация принципиально иная, чем в перечисленных странах. Помимо низких темпов экономического роста, нарастающего технологического отставания в гражданском секторе экономики, в первую очередь в сфере «экономики знаний», снижаются доходы населения, норма инвестиций в основной капитал составляет сегодня менее 20 %. Президентом России справедливо подчеркивается необходимость иметь этот показатель на уровне не менее 25 %. При этом главные направления инвестиций — вложения в воспроизводство и повышение качества человеческого капитала, то есть в образование, науку и культуру, а также инвестиции в современные технологии. Безусловно, должны быть обеспечены структурные изменения экономики в пользу развития перерабатывающих отраслей, а не концентрация, по крайней мере в экспортно-ориентированных отраслях, на сырье или продукции низших переделов. В среднесрочной перспективе речь идет о стимулировании экономического роста через увеличение нормы и объема инвестиций, в соответствии с президентскими установками на этот счет, в развитие и использование наилучших доступных технологий, в том

числе цифровых. Они обеспечивают и увеличение производительности, и снижение издержек производства, и сокращение ресурсозатрат, и экологичность, в том числе снижение выбросов вредных веществ и CO_2 .

В нашем институте сейчас близка к завершению большая научная работа с расчетами на основе моделей межотраслевого баланса эффектов структурных преобразований для реализации стратегии устойчивого социально-экономического развития с низким уровнем указанных выбросов. Согласно предварительным результатам этих расчетов, модернизация отраслевой и производственной технологической структуры экономики более эффективно помогает решать задачу снижения выбросов вредных веществ и парниковых газов, чем меры, ориентированные исключительно на сокращение таких эмиссий. При этом в кратко- и среднесрочной перспективе для получения наибольшей отдачи целесообразно направлять инвестиции в первую очередь в топливно-энергетический комплекс (ТЭК) и энергетическую сферу в целом.

Почему? ТЭК уже сегодня располагает финансовыми ресурсами и объективно заинтересован в новейших, в том числе цифровых, технологиях для поддержания конкурентоспособности. Почему-то многие продолжают полагать, что ТЭК — это нечто технологически примитивное: пробурил (нефть, газ) или извлек экскаватором (уголь) — и получил готовое сырье. На самом деле современный нефтегазовый комплекс на 60 % состоит из современных технологий, в том числе цифровых. Практически вся геологоразведка сейчас строится на цифровых моделях. Метод гидравлического разрыва пласта, который используется при добыче сланцевой нефти и газа, также относится к высоким технологиям, не говоря уже о технологиях переработки указанных ресурсов.

Макроэкономическая структура хозяйственного комплекса в целом и его энергетического сектора (который сохраняет свое значение несущей конструкции) в частности отличается инерционностью. Ее существенно не изменить за один день и, возможно, даже за несколько лет, но можно и нужно активно двигаться в сторону развития обрабатывающих производств, связанных с переработкой продукции ТЭК, — имея в виду прежде всего развитие нефте- и газохимии, других производств нефтегазового комплекса,

а также углекислоты и т. п. Они дают высокий мультипликативный эффект, придавая импульс развитию сопряженных производств в обрабатывающей промышленности, на транспорте и т. д. Это позволяет добавить к базовому (инерционному) экономическому росту (1,5 % ВВП в среднем в год) еще 12–13 % (или 0,2 процентного пункта), увеличив его до 1,7 % ВВП. При этом расширение добычи и экспорта, по расчетам моих коллег в институте, способно обеспечить мощный приток доходов, столь необходимых для перелива инвестиций в модернизацию машиностроения и других обрабатывающих производств, а также ускорения темпов роста ВВП еще на 0,8 процентного пункта, доведя его до среднегодового уровня в 2,5 % ВВП.

С точки зрения производственно-технологической модернизации отечественной экономики в целях ее устойчивого роста *упор должен делаться на ресурс-, особенно энерго-, эффективность, причем не только в сфере производства (ТЭК), но и в области потребления энергетических и других ресурсов*. В январе этого года был опубликован доклад Экономической и социальной комиссии ООН о перспективах развития мира в 2020 году, в котором подчеркивалось, что главным путем решения климатических проблем и снижения выбросов парниковых газов является изменение структуры энергопотребления, в первую очередь в пользу ускоренного развития возобновляемой энергетики. Про энергоэффективность — ни слова, хотя по всем расчетам она дает в среднем по миру примерно треть совокупного вклада в сокращение эмиссий парниковых газов (не говоря об уменьшении выбросов других вредных и опасных веществ и издержек производства); в России этот показатель достигает 40 %.

Еще один источник сокращения упомянутых выбросов — *диверсификация источников генерации энергии, в том числе электроэнергии, но «по-русски»*. Последнее означает приоритет национальных интересов страны, которые состоят в обеспечении устойчивого развития экономики, повышения уровня и качества жизни населения и не должны служить разменной монетой и приноситься в жертву во имя максимально возможного снижения выбросов для «стабилизации» глобального климата. В частности, это подразумевает учет структуры отечественного топливно-энергетического баланса,

ведущую роль в котором играет природный газ (50 % генерации). Развитие газификации, помимо сокращения потребления экологически и климатически менее «благоприятного» угля и, соответственно, снижения выбросов, помогает решить жизненно важные социальные проблемы и повысить качество жизни в регионах и районах, где газ отсутствует или в дефиците.

Удивительно, но факт: притом, что газ, наше народное национальное достояние, экспортируется в больших объемах за рубеж, уровень собственной газификации — всего порядка 60 %; в ряде регионов — это в 2,5–3 раза меньше — 20 % с небольшим. Вспоминаю свою поездку лет десять тому назад в Красноярский край, на родину нашего замечательного прозаика Виктора Астафьева. Заметив черный дым из трубы одного из домиков по соседству от его дома-музея, поинтересовался у жившей там бабушки, не от печного ли угля этот дым. Получив утвердительный ответ, бросил взгляд в сторону возвышавшейся неподалеку махины Красноярской ГЭС, электроэнергия которой должна быть копеечной для местных потребителей, но, как оказалось, она вообще до них «не дошла». Таких историй много.

Возвращаясь к газификации, отмечу, что помимо энергоснабжения населения и предприятий, она непосредственно касается и автотранспорта, в котором ныне львиная доля ДВС и дизелей должна снижаться в пользу газомоторного топлива, что экологически и климатически выгоднее. Недавно, в середине января этого года, выступая на одном из круглых столов в рамках Гайдаровского форума, господин Ровински, генеральный директор фирмы «Скания-Русь», производящей автобусы и грузовики, рассказал о переводе в 2019 году 600 фур из 1 млн мирового парка этой компании на газотранспортное топливо, что значительно снизило выбросы в атмосферу, и о перспективах перевода российской части этого парка в 2020–2021 годах. Показательной была реакция профессора Дж. Сакса из Гарвардского университета, печально известного в России своей деструктивной для экономической политики страны в 1990-е годы деятельностью консультанта тогдашнего российского правительства. Он заявил, что в России и в мире авто надо переводить на электрическую, а не на газовую тягу, использование которой является технологически отсталым и экологически вредным реше-

нием; но откуда возьмется энергия для электротяги, умолчал. Приведенный пример весьма показателен для иллюстрации, как многие эксперты рассуждают о перспективах электромобилей.

В связи с этим подчеркнем, что газификация транспорта — это не только его активный переход на газомоторное топливо, необходимость чего неоднократно отмечал в своих программных выступлениях президент страны, но и его электрификация. Ведь необходимое для авто электричество генерируется на электростанциях, большинство из которых работают на газе. Это также доказывает, что современный общемировой тренд на увеличение доли электроэнергии в структуре производства энергии в условиях России — это тоже газификация.

Еще один источник электроэнергии — не менее важный для России, чем для Китая и США как в энергетическом, экологическом и климатическом отношении, так и в военно-стратегическом плане, — развитие АЭС, в том числе их новых типов — плавучих АЭС, таких как «Академик Ломоносов». Пока это скорее эксперимент, но в отдаленных районах страны, вне сети централизованного электроснабжения, они могут стать альтернативой, причем низкоэмиссионной, так называемой распределенной генерации, главными источниками которой в большинстве стран мира являются возобновляемые источники энергии — солнце, вода, биотопливо. В настоящее время на распределенную генерацию приходится примерно 10 % мощностей (в основном дизельных установок), которые обеспечивают энергией примерно 20 млн человек в отдаленных районах, занимающих 2/3 территории нашей страны. В этих районах развитие распределенной генерации с использованием возобновляемых источников энергии является наиболее эффективным решением. Кроме ветровой и солнечной энергии особо выделим биотопливо, с учетом того, что в России огромные площади занимают леса; малые ГЭС (до 25 МВт), а также локальные электроэнергетические системы (сети), которые тоже являются важным элементом распределенной энергетики.

В целом, говоря о стратегии социально-экономического развития России с низким уровнем эмиссий парниковых газов до 2030 года, над которой в настоящее время идет активная работа во главе с Минэкономразвития РФ, и о декарбонизации экономики, нуж-

но подчеркнуть: Россия с 1990 года по настоящее время сократила указанные эмиссии на 49 % (с учетом вклада лесов в поглощение CO_2) — больше, чем другие страны мира, она мировой лидер. Основное снижение произошло в 1990-е годы во время тяжелейшего экономического кризиса, но это никоим образом не обесценивает достигнутого результата: мировое сообщество, прежде всего ведущие экономики, выиграли, получив годовую паузу для проведения технологической модернизации своей энергетики и промышленности; Россия же заплатила за указанное сокращение выбросов реальную цену в виде недополученных доходов, снижения жизненного уровня населения. Более того, в 1990-е годы так называемого трансформационного спада дополнительная (преждевременная) смертность, по некоторым оценкам, превысила 2 млн человек, что сопоставимо с боевыми потерями в Великой Отечественной войне, которые оцениваются примерно в 9 млн человек. Так что мы дорого заплатили за уменьшение загрязнения атмосферы.

В 2000-х годах в России был принят целый ряд законодательных и других нормативных актов, регулирующих выбросы вредных веществ и парниковых газов. Это федеральные законы «Об охране окружающей среды», «Об экологической экспертизе», «О наилучших доступных технологиях» и другие, а также конкретизирующие порядка трех десятков постановлений правительства. В результате, по оценке заместителя министра экономического развития РФ М. Расстригина, озвученной на Гайдаровском форуме в январе сего года, уровень выбросов парниковых газов был снижен на 30 % (по сравнению с ситуацией, если бы меры, предусмотренные указанными нормативными актами, не были реализованы). Развитие правового регулирования выбросов продолжается: в целях выполнения установок Федерального закона «О наилучших доступных технологиях» (2014) в 2019 году был принят Федеральный закон «О проведении эксперимента по квотированию выбросов загрязняющих веществ» (этот эксперимент проводится пока в 12 городах), реализовано правительственное решение о субсидировании инвестиций предприятий, снижающих вредные выбросы, введен целый ряд льгот.

В связи с этим считаю избыточными, и даже экономически вредными, попытки дополнительного регулирования выбросов парни-

ковых газов, предусматривающего введение углеродных сборов для предприятий, на которые тем самым будет наброшена еще одна налоговая «удавка». Налоги для предприятий — кнут, а не пряник: для них намного выгоднее меры стимулирования, поощрения. Если же нужно уточнить, подправить действующее законодательство, проще и эффективнее внести необходимые изменения и дополнения, но так, чтобы бизнес был заинтересован работать, производить, нанимать сотрудников и платить им зарплату. Чтобы благодаря занятости, прежде всего своему труду, а не пособиям, какими бы нужными они ни были, люди могли увеличивать свои доходы и повышать жизненный уровень.

Подводя итог сказанному ранее о декарбонизации и низком уровне эмиссий парниковых газов, можно с полным правом отметить большой вклад России в мировую копилку, хотя, конечно же, потенциал улучшения положения дел в этой сфере достаточно велик, прежде всего в области повышения эффективности производства и потребления энергии. Что касается структуры ее генерации, отметим, что более трети выработки электроэнергии в России обеспечивается низкоуглеродными источниками: 17 % дают ГЭС и примерно столько же АЭС. Еще более 50 % обеспечивает природный газ, экологически и климатически более эффективный, чем уголь, на который приходится менее 13 %. Если сравнить эти показатели с европейскими и американскими (вклад угля в производство электроэнергии соответственно 20 и 27 %), не говоря уже об Индии и Китае (более половины генерации), Россия выглядит более чем достойно, что также не отрицает, а, напротив, предполагает возможность и необходимость дальнейшего улучшения структуры производства энергии в нашей стране. Но это должно осуществляться на основе научного анализа и расчетов в целях повышения качества жизни людей, устойчивости экономики, а не во имя «стабилизации климата» любой ценой.

Межправительственная группа экспертов по изменению климата в прошлом году представила доклад, в котором сделан вывод: в нынешнем столетии мир должен остаться в пределах полутора градусов превышения глобальной температуры воздуха по сравнению с доиндустриальной эпохой. Для этого нужны радикальные реформы, прежде всего в энергетике, где к 2050 году долж-

ны доминировать возобновляемые источники, на которые сегодня приходится менее 3 % потребления первичной энергии, и порядка 23 % — электроэнергии. На основе этого доклада я построил пару возможных сценариев для России, а мои коллеги в институте провели модельные расчеты, которые доказали, что если наша страна пойдет по этому пути, то будет терять в среднем в год от 0,26 до 0,4 процентного пункта роста ВВП ежегодно. Уже к 2040 году мы недосчитаемся от 5 % до 8 % ВВП, то есть огромной суммы доходов, на которые живет население России и которые нужны для реализации важнейших социальных, а также экологических проектов. Другой пример: коллеги из Стэнфордского университета недавно представили новую, еще более радикальную модель, предусматривающую полный (100-процентный) переход до 2050 года всей мировой экономики на возобновляемые источники энергии. Были расписаны сценарии для 140 стран, в том числе для России. Расчеты показали, как и следовало ожидать, еще большее ухудшение социально-экономической ситуации в России в случае, если такие шаги будут предприняты.

Конечно, все это не означает, что ничего не надо делать: и структурная, и технологическая модернизации энергетики и экономики в целом необходимы. Но для нас гораздо важнее *в обозримой перспективе инвестировать в модернизацию той углеводородной энергетики, которая есть и составляет основу электро- и особенно теплообеспечения*, используя для ее экологизации и снижения выбросов парниковых газов технологии и финансовые инструменты, предусмотренные ФЗ «О наилучших доступных технологиях» и реализующими его постановлениями и распоряжениями правительства России. В том числе специальные облигации («зеленые сертификаты»), позволяющие компенсировать издержки инвесторов этих мероприятий. Таким образом, можно получить по настоящему современную энергетику, прежде всего ТЭС, с совершенно другими технологическими и, главное, экологическими характеристиками. Пока же эти станции намного уступают зарубежным, в том числе китайским, аналогам по КПД, КИУМ, зольности отвалов. Например, только 2 % отвалов составляет сухая зола (за рубежом — в десятки раз больше), которая является ходовым товаром и используется в изготовлении бетоносмесей.

Сказанное ранее в более широком плане означает одно: Россия должна принимать самостоятельные решения и следовать своим национальным интересам, как это делают другие страны — США и Франция, сохраняющие высокую долю АЭС в электрогенерации; те же США, а также Германия — еще и основной вклад в ее производство углеводородных (газовых и угольных) ТЭС. Продвигая экологизацию энергетики, способствуя снижению выбросов парниковых газов, немецкие промышленники и экономический блок правительства тем не менее ведут острые и продуктивные дискуссии о проблеме темпов реализации этих трендов с правительством страны, в которых важную роль играют «зеленые», не без успеха стремящиеся всеми силами подстегнуть декарбонизацию энергетики и экономики в целом. В 2019 году, выступая на российско-германском сырьевом форуме в Потсдаме, министр экономики и энергетики Германии П. Альтмайер подчеркнул, что Германии нужна «разумная декарбонизация» энергетики, осуществляемая постепенно, расчетливо, чтобы не наносить ущерб экономическому росту и не перекладывать все издержки на население. Представляется, что такой же подход был бы более чем уместен в отношении России. В связи с этим вспоминаются слова великого русского историка В. О. Ключевского о том, что западный ум был дан нам, чтобы помочь нам развиваться, а не пытаться заместить им свой ум. Написано в конце XIX века, но в наши дни, по-моему, эти слова еще актуальнее.

Помимо энергетики необходимо обратить особое внимание на непростую ситуацию с *отходами производства и потребления*, социально-экономическую и экологическую значимость смягчения остроты которой неоднократно подчеркивал в последние годы президент России в своих посланиях Федеральному собранию страны и указах, прежде всего Указе № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития России». Действительно, разрешение этой давно назревшей проблемы позволит решить целый ряд задач, связанных с достижением ряда целей устойчивого развития: в области ответственного производства и потребления, улучшения здоровья, сбережения экосистем суши, улучшения экологических условий в городах. Одновременно это позволит снизить выбросы парниковых газов: начиная с 1990 года, как уже

отмечалось ранее, Россия значительно сократила их эмиссию, но за единственным исключением — выбросов парниковых газов от свалок твердых коммунальных отходов, которые (и количество свалок, и объемы указанных выбросов) все эти годы продолжали расти. Неслучайно недавно Счетная палата представила весьма критический отчет об эффективности решения этой проблемы уполномоченными федеральными ведомствами и региональными властями, в том числе в рамках реализации профильного федерального проекта как одной из главных составляющих национального проекта «Экология».

К перечисленным ключевым сферам реализации политики устойчивого развития в России добавлю еще две. Во-первых, модернизацию инфраструктуры, комплексный план которой — одна из важнейших целей национального развития и часть «пакета» национальных проектов. Если план будет выполнен, как предусмотрено к 2024 году, это позволит не только существенно ускорить рост экономики, но и продвинуться с ее адаптацией к климатическим изменениям. Во-вторых, развитие и модернизацию жилищного строительства, успехи которого также являются значимой составляющей улучшения ситуации с энергоэффективностью и в энергетике в целом, и для решения экологических и климатических задач в частности. Упомяну только так называемые зеленые строительные стандарты, основу которых составляют «первые ласточки» в этой области и в России, но потенциал их применения у нас намного больше.

Если подытожить все изложенное ранее, то эффективная стратегия устойчивого развития России в целом, и стратегия социально-экономического развития с низким уровнем эмиссий парниковых газов в частности подразумевает ряд следующих принципиальных положений (но, разумеется, никоим образом не ограничивается ими).

Прежде всего нужно отказаться от фетишизации проблемы выбросов парниковых газов и изменения климата и рассматривать их в контексте решения других не менее, а в действительности более актуальных вопросов устойчивого развития, в том числе снижения бедности, неравенства, улучшения качества питания и состояния здоровья населения. В отношении последнего характерны примеры

эпидемий: а) давно известного гриппа, ежегодный ущерб от которого достигает 0,7 % мирового валового продукта (для сравнения: этот же показатель для климатических бедствий составляет 0,5 %); б) новой напасти в виде коронавирусной пневмонии, распространяющейся из Китая по всему миру, включая Россию, экономические потери от которой (не говоря уже о потерянных жизнях и социальных издержках) уже весьма ощутимы. По некоторым оценкам, только российская торговля теряет до 1 млрд рублей в день.

Необходим системный подход к достижению целей устойчивого развития, учитывающий взаимосвязи между ними и позволяющий находить комплексные, эффективные решения, при которых уменьшение масштабов и смягчение остроты одной ключевой проблемы одновременно способствовало бы (или как минимум не ухудшало) снижению других рисков. Другими словами, речь идет о позитивном и ощутимом мультипликативном эффекте или стратегии win-win. Примеры такого системного подхода есть: скажем, Доклад ООН 2019 года «О целях устойчивого развития», в котором предложена матрица мер для достижения указанных целей, увязывающая их между собой и обеспечивающая одновременное решение ряда проблем, при этом не обостряя и не усугубляя другие.

Еще один важный момент — изменение приоритетов в системе целей устойчивого развития, предусмотренных Повесткой дня ООН до 2030 года. Образно говоря, в этой среднесрочной перспективе «телегу» проблемы климатических изменений и их последствий — в том числе и во имя эффективного решения самой этой проблемы — нужно поставить позади «лошади» набора целей социально-экономической политики, прежде всего цели всеохватного и устойчивого экономического роста, прогресс в достижении которых создаст социальные условия и обеспечит ресурсы, необходимые для решения других задач, включая климатические.

Вышеприведенный набор приоритетных целей социально-экономической политики, прежде всего цель всеохватного и устойчивого экономического роста, для России — это цели, сформулированные в Указе Президента РФ № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», в том числе минимизация бедности и неравенства, для решения которых нужен рост реальных доходов населе-

ния. В последнем ежегодном Послании Федеральному собранию Президент России назвал рост доходов населения главной проблемой, которую необходимо решить. Другая важная цель устойчивого развития, не менее часто подчеркиваемая на высшем государственном уровне, — укрепление здоровья, увеличение продолжительности жизни населения. Эти главные для российского общества цели полностью корреспондируются с приоритетами устойчивого развития, которые, судя по опросам населения стран мира, ставит на первые места и мировая общественность.

Вопросы и ответы

Маргарита ОСТАНИНА, III курс, экономический факультет:
— *Борис Николаевич, как Вы относитесь к позиции США в отношении Парижского соглашения? По-моему, они поступили лицемерно: ведь они и были одними из инициаторов программы.*

— Не считаю, что они проявили лицемерие. Выход из соглашения для США — экономически рациональное, более того, последовательное решение, связанное не столько с самим соглашением, сколько с его трактовками в документах, принятых после 2015 года и создающих для страны менее выгодные условия, чем, например, для Китая — главного экономического и политического конкурента США.

Если вспомнить предшествующую Парижскому соглашению ситуацию с Киотским протоколом, тогдашнее правительство США также его подписало, но не ратифицировало, поскольку, во-первых, не захотело ставить страну в невыгодную позицию в сравнении с Китаем (и другими развивающимися странами), которые не должны были брать на себя никаких обязательств по сокращению выбросов парниковых газов. Напротив, благодаря механизму так называемого чистого развития Китай получал преимущества в экономической гонке с США и Европой. Во-вторых, Сенат США не мог поддержать ратификацию Киотского протокола, учитывая существующие в стране нормы права, предусматривающие отказ

от принятия международных обязательств, если: а) они противоречат национальному законодательству либо б) существующее законодательство не может обеспечить полноценное выполнение указанных обязательств. По сути дела, это те нормы права, которые мы сейчас пытаемся внести в российскую конституцию, предполагающие отказ от выполнения международных требований, если таковые идут вразрез с ее нормами.

Поэтому политика нынешнего правительства США в отношении Парижского соглашения — не что иное, как логичное продолжение ранее принятой линии поведения. Его можно назвать своекорыстной, но, с точки зрения руководства США, речь идет о национальных интересах, причем вопрос не в терминологии, а в стремлении не навредить, а лучше — помочь экономике своей страны в борьбе с конкурентами на мировом рынке, при этом не отказываясь от своего сильного вклада в улучшение мировой экологической и климатической ситуации. Мало кто об этом говорит, но США, хотя и не ратифицировали Киотский протокол, де-факто довольно успешно выполняли меры по его реализации, существенно сократив вредные выбросы и эмиссию парниковых газов благодаря успешной модернизации промышленности. Осенью 2019 года президент Д. Трамп издал указ, предусматривающий модернизацию ТЭС, прежде всего угольных, в ближайшие несколько лет. Реализация этой задачи возложена на администрацию штатов и руководство самих электростанций при координирующей роли Агентства по окружающей среде (ЕРА). Один из целевых показателей всей программы — сокращение выбросов парниковых газов к 2030 году на 35 % по сравнению с 2005 годом (против 32 % в известном плане Обамы).

М. ОСТАНИНА: — Но они сначала участвовали в разработке соглашения, а потом вышли из него, — не подставляют ли США тем самым экономику, например, Европы? Ведь вследствие таких шагов европейская экономика становится зависимой от экономики и политики США.

— Это не что иное, как проявление конкурентной борьбы. Вспомним, история началась в 1992 году, когда была принята Ра-

мочная конвенция ООН по изменению климата, которую подписали более 180 стран. Но это подписание никоим образом не означало отмену экономических интересов стран-участниц, включая страны ЕС, которые, как известно, давно проигрывают экономическое соревнование с США, в том числе по темпам научно-технических инноваций, технологической модернизации и т. п. Ставка на развитие так называемой климатической экономики, зеленые, прежде всего низкоуглеродные, технологии, используемые в качестве международного стандарта, в рамках указанной конвенции и принятых во исполнение ее международных соглашений (Киотский протокол, а потом и Парижское соглашение) — хорошая стратегия и тактика, заставляющая главного конкурента, США, пойти на дополнительные расходы. При этом европейские стратеги исходили из того, что экономика стран ЕС в целом в 1990-е (да и в 2010-е) годы, в первую очередь их энергетика, в которой доля самого «грязного» топлива — угля — многократно меньше, чем в США, исходно имеет экологические и «климатические» преимущества.

Эти планы в 1990-е — начале 2000-х годов нарушил Китай, который сумел воспользоваться выгодами Киотского протокола, заработав на нем порядка 6 млрд долларов и существенно преобразив технологически свою экономику, тем самым опередив Европу. Для последней возникла необходимость срочно пересмотреть Киотский протокол, заменить его другим документом, учитывающим новую расстановку экономических сил. В итоге было принято Парижское соглашение с другими, менее обязывающими, правилами игры, но, как уже упоминалось ранее, не устраивавшими в полной мере ряд стран, прежде всего США, которые не ратифицировали его, а также Турцию, Бразилию, Саудовскую Аравию. Д. Трамп заявил, что хочет снова сделать Америку великой, и делает это, игнорируя или противодействуя интересам конкурентов, пусть и политическим союзникам в Европе. Это хорошо иллюстрирует история с поставками газа в Европу: США меньше всего волнуют экономические, экологические и климатические выгоды Европы, главное, чтобы она покупала газ у США.

Александр ФАЛЕВ, III курс, экономический факультет: — *Очевидно, что проблемой устойчивого развития озабочен весь мир. Но обычно в этом контексте говорят об экономически развитых*

странах, а об остальных, например о государствах Африки, забывают. Насколько реально достижение устойчивого развития для всех, в том числе для бедных стран, которые даже не формулируют свои проблемы таким образом?

— Переход к устойчивому развитию был объявлен еще в 1999 году как цель тысячелетия, при этом упор делался именно на развивающиеся страны. В Повестке дня ООН–2030 цели устойчивого развития также согласованы международным сообществом с учетом приоритетов, прежде всего, этих государств. В первую очередь — искоренение там нищеты и голода, которые остаются самыми острыми проблемами развития в обозримом будущем. Что касается вопроса, как этого достичь, рассматриваются два направления действий. С одной стороны, эти страны должны произвести некоторые преобразования и добиться положительной динамики за счет внутренних ресурсов. С другой стороны, международное сообщество должно оказать им необходимую помощь.

Как это реализуется? По-разному. Есть крупные проекты, которые помогают обеспечить развивающимся странам прогресс на пути достижения целей устойчивого развития. Целый ряд индикаторов демонстрирует, что сдвиги есть. Продолжительность жизни растет, ситуация в здравоохранении и образовании становится более благополучной. В то же время многие игроки стремятся получить в этом процессе для себя либо политическую, либо финансовую выгоду. Поэтому достижение целей устойчивого развития, как и любая другая политическая стратегия, — это предмет борьбы и компромиссов.

Островные государства говорят о собственных рисках: в результате потепления климата их территории могут оказаться под водой уже в обозримом будущем. Однако и в этом случае их поведение на международной арене различается. На Гайдаровском форуме в январе 2020 года я имел честь встретиться и послушать выступление Р. Э. Гонсалвеша, премьер-министра государства Сент-Винсент и Гренадины, расположенного в Карибском море. Его речь произвела на меня сильное впечатление, прежде всего потому, что, подробно говоря о главных проблемах своей страны, он лишь в самом конце упомянул риск затопления из-за последствий потепления

климата. Возможно, потому, что понимает: проблема не решается просто, сооружение дамб или других объектов защиты требует огромных средств и не поможет при катастрофе, которая может развиться в ближайшие 30 лет. При этом текущие социальные и экономические вызовы, в том числе связанные с главным, аграрным, сектором хозяйства, и экспортом основной культуры — бананов, цены на которые падают, требуют эффективного ответа уже сегодня. В противном случае этих 30 лет попросту не будет — все население может оказаться в беспросветной нищете и будет вынуждено искать счастья за пределами своей страны раньше, чем наступит время для эвакуации по климатическим причинам.

Алексей ВЕРТЮХОВ, III курс, экономический факультет: — *Одна из острых проблем в наше время — неравенство доходов. Известный экономист Том Пикетти посвятил этому вопросу много научных работ. И мы видим, что крупные компании, добившиеся колоссальных успехов, ведут себя неэтично. Что должно поменяться в общественном устройстве, чтобы преодолеть эту тенденцию?*

— В вашем вопросе уже частично прозвучал ответ. Полноценное решение проблемы действительно требует изменения мировоззрения. И это уже происходит. В начале лекции было упомянуто о том, что на корпоративном уровне идет процесс пересмотра ценностных установок. Почему? Во-первых, становится все более очевидно, что нельзя быть по-настоящему счастливым в бедной стране. Когда-то именно так сказал основатель современных ОАЭ, шейх Заед, который за два-три десятилетия превратил свою отсталую страну верблюдов и саксаулов в благополучное государство, где местное население живет в полном достатке. Глобальная компания, работающая на разных континентах и в разных странах, включая бедные, нуждается в спросе на свою продукцию и услуги, который трудно предъявить малоимущим. Они нуждаются в достойно оплачиваемых рабочих местах, которые может дать компания.

Во-вторых, руководители корпораций понимают, что когда они лучше учитывают местные реалии и принимают меры для улучшения социальных и экологических условий, то отношение

принимающей стороны, включая муниципальные власти и местное население, более благожелательное; компании получают преимущества для своих инвестиций и более качественную рабочую силу и т. д. Кроме этих соображений, огромное значение имеет сдвиг в общественном сознании в отношении проблемы неравенства, понимание ее нынешней глубины и масштабов последствий для развития экономики, устойчивого развития общества в целом и острой необходимости добиться прогресса в выравнивании доходов социальных групп.

Несмотря на сказанное выше в отношении корпораций, нельзя ожидать, что все они или даже большинство вдруг станут высокоморальными и добрыми — они никогда такими не были. Они не могут утратить своего приоритетного интереса к получению прибыли, иначе проигрыш в конкурентной борьбе неизбежен. Поэтому часто очевиден разрыв между тем, что декларируется, и тем, что происходит в действительности. Ситуация сложная и разрешение противоречий не будет быстрым.

Это имеет прямое отношение ко всем целям устойчивого развития, включая смягчение климатических рисков развития. Их снижение требует понимания сложности взаимосвязей, противоречий и не может быть сведено к сокращению выбросов парниковых газов любой ценой и как можно скорее. Что при таком подходе будет происходить с социальными структурами, с производственными мощностями и тому подобным — ответа нет.

А ведь очевидно, что ситуация для корпораций и предприятий в реальном секторе экономики сильно отличается от компаний, занятых в сфере услуг, эмиссии парниковых газов и вредных веществ которых незначительны, а иногда и вовсе отсутствуют. Этим компаниям намного легче взять на себя экологические или климатические обязательства, и не случайно именно они выступают застрельщиками «зеленого» курса — лидерами по показателям так называемой углеродной отчетности. В реальном секторе экономики — совершенно иное дело, и они, даже при понимании своей ответственности (которую, к слову, компании сферы услуг также не всегда разделяют), движутся с другой скоростью.

В позапрошлом году У. Нордхаус получил Нобелевскую премию по экономике за разработку модели DICE, позволяющей да-

вать оценки и прогнозы воздействия изменений климата на экономику. Другую модель такого рода, FUND, разработал голландский экономист Р. Толь. Исходя из своих расчетов и анализа, он пришел к выводу, что климатические изменения и их последствия для мировой экономики и экономик отдельных стран, безусловно, диктуют необходимость серьезных структурных и технологических изменений, перехода к новой модели экономического роста, но этот переход должен быть постепенным, как бы ни хотели политики его ускорить. В противном случае, как предостерегают Рамочная конвенция ООН и Парижское соглашение, подписавшие их страны могут пострадать не только от изменения климата, но также от действий, направленных против него. Как видим, старый добрый принцип «не навреди» уместен не только в медицине.

Г. Ф. ФЕЙГИН, профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук: — *Цели, о которых Вы рассказываете, формулируются как глобальные. Но Вы говорите и о национальных интересах: Россия должна принимать собственные решения, Китай идет своим путем, Германия — своим. Верно ли я понимаю, что по крайней мере в экологической и энергетической составляющих решения проблемы приоритет все же остаются за национальными интересами?*

— В последнее десятилетие все чаще говорят о глокализации: «Think globally, act locally», то есть «думай в мировых масштабах, действуй на локальном уровне». Конечно, когда речь идет о климате, то результатов можно добиться только общими усилиями, глобальный феномен требует всеобщих усилий, хотя та же адаптация и социально, и экономически, и экологически оправдана и уместна именно на местном (районном, региональном) уровне. Но совершенно ясно, что, выходя на международную арену, страны, точнее их правительства, всегда будут учитывать национальные интересы. Кстати, в Парижском соглашении, как и в Рамочной конвенции ООН по климату, подчеркивается дифференцированная ответственность государств за решение климатической проблемы и необходимость учета культурной, природной, социально-экономической специфики стран при указанном решении.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — *И еще вопрос о Китае. Там очень сложная, возможно, даже катастрофическая ситуация с точки зрения загрязнения водных ресурсов. Есть ли у Китая с его политикой шанс в ближайшей перспективе изменить эту ситуацию?*

— На мой взгляд, безусловно, есть. Во-первых, сам драматизм экологической ситуации, причем не только в сфере водных ресурсов, но и с качеством воздуха в городах, а также почв, является стимулом решительных перемен. Во-вторых, текущая экологическая политика уже позволила добиться ощутимых сдвигов к лучшему, хотя для самоуспокоенности нет места и до благополучия, как говаривал один из персонажей А. С. Грибоедова, «дистанция огромного размера». При этом китайцы сочетают два подхода: государственный и чисто экономический, коммерческий. Создана целая индустрия, зарабатывающая на решении экологических и климатических проблем, причем не только у себя в стране, но и во всем мире (вспомним ветрогенераторы и солнечные панели).

Е. Г. ХОЛЬНОВА, заведующая кафедрой экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук, профессор: — От имени всех присутствующих благодарю Бориса Николаевича за интересную лекцию. Надеемся, что Россия в ближайшее время сможет выйти на траекторию устойчивого развития.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ СЕРИЮ «ИЗБРАННЫЕ ЛЕКЦИИ УНИВЕРСИТЕТА»

В Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов сложилась замечательная научно-педагогическая традиция приглашать с лекциями выдающихся современных ученых, лучших представителей творческой интеллигенции, видных государственных и общественных деятелей, успешных специалистов-практиков. Таким образом студенты имеют возможность получать из первых рук новейшие знания, актуальную информацию о последних достижениях в науке, экономике, культуре, искусстве.

Наиболее значимые лекции публикуются в виде отдельных изданий, которые пополняют одну из самых интересных серий издательства СПбГУП — «Избранные лекции Университета».

В этой серии издано свыше 200 книг, в том числе:

- В. И. ЕРЕМЕНКО, прокурор Санкт-Петербурга. «Роль и место прокурорского надзора в становлении правового государства». 1997.
- И. В. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА, академик-секретарь Отделения образования и культуры РАО. «Перспективы развития культуры в проблематике социального прогнозирования». 1997.
- А. А. СОБЧАК. «Проблемы российской Конституции». 1998.
- Е. И. МАКАРОВ, председатель Совета Федерации независимых профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области. «Трудовые отношения и профессиональные союзы». 1998.
- И. С. КОН, академик РАО. «Роль и место сексуальной культуры в становлении цивилизованного государства». 1999.
- Дж. ЭВАНС, Генеральный консул США в Санкт-Петербурге. «Россия и США: путь сотрудничества и диалога». 1999.
- О. МОВИССО, Генеральный консул Франции в Санкт-Петербурге. «Традиции дружбы и партнерства». 1998.
- Н. Н. СКАТОВ, директор Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом). «Тип нормального гения». 1998.
- Князь Н. Р. РОМАНОВ. «Новая Россия глазами Дома Романовых». 1998.
- Д. БОДЕН, Генеральный консул Федеративной Республики Германия в Санкт-Петербурге. «Сотрудничество как источник взаимообогащения». 1998.
- Дж. У. ГАЙ, Генеральный консул Великобритании в Санкт-Петербурге. «Россия и Великобритания: новая эпоха сотрудничества». 1999.
- «Россия на рубеже веков». Сборник: А. А. Зиновьев. «Возродим великую Россию»; Г. Я. Бакланов. «Нужен великий духовный порыв»; В. С. Степин. «Философия и универсалии культуры»; В. Б. Исаков. «Горькие уроки светлого будущего»; И. И. Сыдорук. «Правозащитные функции прокуратуры»; С. П. Капица. «Современный демографический взрыв: взгляд историка и математика»; Г. В. Старовойтова. «Демократия и свобода слова в России в период кризиса»; И. Ю. Артемьев. «Мы стали гораздо более открытыми»; О. А. Харченко. «Импровизации на тему города». 1999.
- В. В. КРАЕВСКИЙ, академик РАО. «Методология научного исследования». 2001.
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ, член-корреспондент РАН. «Из истории рок-музыки: творчество „Битлз“». 2002, 2004 (2-е изд.), 2013 (3-е изд.).
- Я. А. ГОРДИН, писатель. «Историософия России: некоторые актуальные проблемы истории Нового времени». 2002.
- «Актуальные проблемы становления правового государства». Сборник лекций: В. В. Лазарев, В. Н. Лопатин, Т. Г. Моршакова, В. М. Сырых. 2003.

- **«Актуальные проблемы гуманитарных наук»**, Сборник лекций: Ю. В. Яковец, Ж. Т. Тощенко, В. И. Зацепин, А. Г. Здравомыслов, В. А. Ядов, В. Г. Иванов, Н. Н. Казанский, В. Г. Костомаров, А. Н. Тихонов. 2003.
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ, академик РАО. **«Из истории молодежной культуры: возникновение и развитие дискотек»**. 2003, 2004 (2-е изд.).
- И. С. КОН, академик РАО. **«Сексуальность и культура»**. 2004.
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ, академик РАО. **«Отцы и дети: проблемы взаимоотношений»**. 2004, 2005, 2006 (2-е изд., доп.).
- П. Г. ШЕРЕМЕТ, комментатор «Первого канала» российского телевидения. **«Журналистика: введение в профессию»**. 2004.
- Н. Д. НИКАНДРОВ, президент Российской академии образования. **«Перспективы развития образования в России»**. 2005.
- М. Н. ХЬЮЗ, Генеральный консул США в Санкт-Петербурге. **«США и Россия — построение прочных взаимоотношений»**. 2005.
- Д. С. ЛЬВОВ, академик РАН. **«Новая экономика России»**. 2005.
- Дж. ЭДГАР, Генеральный консул Великобритании в Санкт-Петербурге. **«Великобритания в современном мире»**. 2006.
- А. Б. КУДЕЛИН, академик РАН, директор Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. **«Средневековая арабская поэтика: вопросы современных исследований»**. 2006.
- С. К. ШОЙГУ, министр Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. **«Наш ресурс — профессионализм и дружба»**. 2006.
- В. А. ЯДОВ, социолог. **«Проблемы российских трансформаций»**. 2006.
- **«Современность классики»**, Сборник лекций по истории русской литературы: Н. Н. Скатов, А. Б. Куделин, М. И. Щербакова, А. М. Панченко, Ю. В. Зобнин. 2006.
- Н. А. ПЛАТЭ, вице-президент Российской академии наук. **«Альтернативные источники органического топлива»**. 2006.
- Э. А. РЯЗАНОВ, кинорежиссер. **«Искусство и жизнь»**. 2006.
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ, академик РАО. **«Дмитрий Лихачев: многогранность научного наследия»**. 2006.
- Ф. Г. РУТБЕРГ, академик РАН, директор Института проблем электрофизики РАН. **«Чистая энергетика»**. 2007.
- Б. БРАУН, Генеральный консул Федеративной Республики Германия в Санкт-Петербурге. **«Германо-российские отношения в сфере политики»**. 2007.
- М. КРЮГЕР, Генеральный консул США в Санкт-Петербурге. **«Россия и США: 200 лет дипломатических отношений»**. 2007.
- В. А. ЛЕКТОРСКИЙ, академик РАН, главный редактор журнала «Вопросы философии». **«Философия в контексте культуры»**. 2007.
- А. А. ГУСЕЙНОВ, академик РАН, директор Института философии РАН. **«Негативная этика»**. 2007.
- А. А. ЛИХАНОВ, писатель, председатель правления Российского детского фонда. **«Преддетство»**. 2007.
- Князь Д. М. ШАХОВСКОЙ. **«Размышления о русском самознании»**. 2008.
- В. Л. ЯНИН, академик РАН, Почетный доктор СПбГУП. **«Археология древнего Новгорода»**. 2008.
- Г. М. РЕЗНИК, президент Адвокатской палаты г. Москвы. **«Разделение властей и право на судебную защиту в Российской Федерации»**. 2008.
- В. Н. ИГНАТЕНКО, генеральный директор ИТАР-ТАСС. **«Нам нужны молодые профессионалы»**. 2008.
- У. ЭЛЛИОТТ, Генеральный консул Великобритании в Санкт-Петербурге. **«Меняющаяся экономика — меняющееся общество»**. 2008.
- Н. Д. НИКАНДРОВ, президент Российской академии образования. **«Средства массовой информации и социализация молодежи»**. 2008.
- В. М. МЕЖУЕВ, главный научный сотрудник Института философии РАН. **«Современное знание о культуре»**. 2008.
- В. А. ЧЕРЕШНЕВ, академик РАН, председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям. **«Демографическая политика страны и здоровье нации»**. 2008.
- Г. Х. ПОПОВ, президент Международного союза экономистов. **«Народно-демократический вариант выхода из социализма»**. 2008.
- Ю. А. РЫЖОВ, академик РАН. **«Реструктуризация экономики»**. 2008.

- Н. А. СИМОНИЯ, академик РАН. «Россия и Европейский союз: сотрудничество или соперничество». 2008.
- Ж. Т. ТОЩЕНКО, член-корреспондент РАН, главный редактор журнала РАН «Социологические исследования». «Новые явления в общественном сознании и социальной практике». 2008.
- Л. И. АБАЛКИН, академик РАН. «Теория исторического синтеза и будущее России». 2008.
- С. С. ГОВОРУХИН, кинорежиссер. «Биография художника — его фильмы». 2009.
- А. А. GERMAN, кинорежиссер. «Кино — бескомпромиссное искусство». 2009.
- Е. М. ПРИМАКОВ, академик РАН, президент Торгово-промышленной палаты РФ. «Россия в современном мире». 2009.
- А. Н. САХАРОВ, член-корреспондент РАН, директор Института российской истории РАН. «Россия как часть мирового цивилизационного процесса». 2009.
- Г. М. РЕЗНИК, президент Адвокатской палаты г. Москвы. «Свобода прессы и защита репутации: как примирить интересы сторон?». 2009.
- Г. А. ГАДЖИЕВ, судья Конституционного Суда РФ. «Конституционные принципы и конституционная политика в Российской Федерации». 2009.
- В. Л. МАКАРОВ, академик РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН. «Искусственные общества и будущее общественных наук». 2009.
- О. Т. БОГОМОЛОВ, академик РАН. «Глобализация и уроки экономического кризиса». 2009.
- Д. Л. БЫКОВ, писатель. «Стихи и проза». 2009.
- В. Е. ЧУРОВ, председатель Центральной избирательной комиссии РФ. «Демократия и культура: проблемы взаимовлияния избирательных систем и национальных культур». 2010.
- Ш. ГУОЛТНИ, Генеральный консул США в Санкт-Петербурге. «История российско-американских дипломатических отношений». 2010.
- В. А. ТИШКОВ, академик РАН, директор Института этнологии и антропологии РАН. «Национальная идентичность и духовно-культурные ценности российского народа». 2010.
- М. П. КИРПИЧНИКОВ, академик РАН, председатель Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ. «Науки о жизни: вызовы XXI века». 2010.
- М. Е. ШВЫДКОЙ, специальный представитель Президента РФ по международному культурному сотрудничеству. «Россия в мировом пространстве межкультурного диалога». 2010.
- В. Л. КВИНТ, иностранный член РАН. «Бизнес и стратегическое управление». 2010.
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ, академик РАН. «Теория культуры академика В. С. Степняка: лекции, прочитанные студентам СПбГУП в мае — сентябре 2010 года». 2010.
- М. А. ФЕДОТОВ, советник Президента РФ, председатель Совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека. «Российское законодательство о СМИ: формирование, развитие, деградация». 2010.
- С. Ю. ГЛАЗЬБЕВ, академик РАН, директор Института новой экономики. «Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса». 2011.
- Г. А. ЗЮГАНОВ, руководитель фракции КПРФ в ГД РФ. «Современная Россия: проблемы и пути развития». 2011.
- В. Т. ТРЕТЬЯКОВ, декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова. «Современные проблемы российской журналистики». 2011.
- В. В. МИРОНОВ, член-корреспондент РАН, декан философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. «Современные трансформации культуры». 2011.
- А. Г. АГАНБЕГЯН, академик РАН, заведующий кафедрой Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. «Модернизация общественного производства в России». 2011.
- В. В. НАУМКИН, академик РАН, директор Института востоковедения РАН. «Этнополитические конфликты в современном мире». 2011.
- А. О. ЧУБАРЬЯН, академик РАН, директор Института всеобщей истории РАН, Почетный доктор СПбГУП. «История и историки в современном обществе». 2011.
- А. И. ДЕНИСОВ, первый заместитель министра иностранных дел РФ. «Конфликты в современном мире и действия российской дипломатии по их урегулированию». 2011.
- М. И. КЛЕАНДРОВ, судья Конституционного Суда РФ. «Современные проблемы судебной реформы в Российской Федерации». 2011.
- Д. Л. БЫКОВ, писатель. «Я так думаю». 2011.
- Т.-С. ЦАНГ, министр внутренней политики Гонконга (секретарь Министерства внутренних дел Гонконгского специального административного региона КНР). «Культурная интеграция восточного и западного Гонконга». 2011.

- А. Б. КУДЕЛИН, академик РАН, директор Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. **«Литературные взаимосвязи Запада и Востока в XIX веке и формирование концепции “Мировая литература”»**, 2011.
- А. С. КОНЧАЛОВСКИЙ, народный артист России, режиссер. **«Русская ментальность и мировой цивилизационный процесс»**, 2012.
- А. А. ВЕНЕДИКТОВ, главный редактор радиостанции «Эхо Москвы». **«Журналистика и мое время»**, 2012.
- П. Н. ГУСЕВ, главный редактор газеты «Московский комсомолец». **«СМИ: настоящее и будущее. Сохранит ли свое лицо современная журналистика»**, 2012.
- М. Л. ТИТАРЕНКО, академик РАН, директор Института Дальнего Востока РАН. **«Китай и Россия в современном мире»**, 2013.
- В. С. СТЕПИН, академик РАН, руководитель Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, Почетный доктор СПбГУП. **«Человеческое познание и культура»**, 2013.
- Ю. С. ВАСИЛЬЕВ, академик РАН, президент Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. **«Гидроэнергетика России сегодня»**, 2013.
- Г. ВОРД, Генеральный консул Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии в Санкт-Петербурге. **«Великобритания — Россия — Китай. Три модели развития»**, 2013.
- Б. ТЕРНЕР, Генеральный консул США в Санкт-Петербурге. **«Язык, коммуникация и дипломатия»**, 2013.
- Н. П. ШМЕЛЕВ, академик РАН, директор Института Европы РАН. **«Россия: угрозы и возможности ближайших десятилетий»**, 2013.
- Б. ДЕГАРДЕН, заместитель генерального директора банка Baring Brothers Sturza (Женева, Швейцария). **«Феномен банковской системы Швейцарии: исторические факты и современные тенденции развития»**, 2013.
- А. И. АЛЕКСАНДРОВ, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству, правовым и судебным вопросам, развитию гражданского общества. **«Государственно-правовая идеология и уголовная политика в Российской Федерации»**, 2014.
- ЛИ ЁНСУ, Генеральный консул Республики Корея в Санкт-Петербурге. **«Культурный диалог: Корея и Россия вчера, сегодня, завтра»**, 2014.
- А. А. АКАЕВ, иностранный член РАН, главный научный сотрудник Института математических исследований сложных систем МГУ им. М. В. Ломоносова, Президент Киргизской Республики (1990–2005). **«Тенденции развития современной экономики»**, 2014.
- Х. А. МАРК, Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в РФ (2008–2011). **«Ключевые стратегические вопросы в глобальном мире»**, 2014.
- М. А. МОРАТИНОС, министр иностранных дел и международного сотрудничества Королевства Испания (2004–2010), Почетный доктор СПбГУП. **«Кризис на Ближнем Востоке»**, 2014.
- М. С. ГУСМАН, первый заместитель генерального директора Информационного агентства России «ТАСС». **«Информационные вызовы современного мира»**, 2014.
- К. Б. МОЙНИХЕН, лорд Великобритании, спортсмен, серебряный призер летних Олимпийских игр 1980 г. в Москве. **«Международная политика и современное олимпийское движение от Москвы до Лондона (1980–2012)»**, 2014.
- В. А. ЧЕРЕШНЕВ, академик РАН, председатель Комитета по науке и наукоёмким технологиям Государственной Думы РФ, Почетный доктор СПбГУП. **«История реформирования Российской академии наук»**, 2014, 2015 (2-е изд.).
- Е. Б. АЛЕКСАНДРОВ, академик РАН, председатель Комиссии РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований. **«Лженаука в XXI веке»**, 2014.
- Р. И. НИГМАТУЛИН, академик РАН, директор Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН. **«Четыре „э“ современности: экономика, экология, энергетика, этнос»**, 2015.
- Д. КЛАФТЕР, президент Тель-Авивского университета. **«Роль науки и высшего образования в современном мире»**, 2015.
- АН. А. ГРОМЫКО, член-корреспондент РАН, профессор факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова. **«Организация Объединенных Наций: история и современность»**, 2015.
- М. ФАИЕТТА, Генеральный консул Швейцарской Конфедерации в Санкт-Петербурге. **«„Мягкая сила“ Швейцарии: равный диалог с мировыми державами и малыми нациями»**, 2016.
- В. А. ТИШКОВ, академик РАН, научный руководитель Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. **«Понимание и управление культурно-сложными обществами»**, 2016 г.

- В. А. ЧЕРЕШНЕВ, академик РАН, председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям, Почетный доктор СПбГУП. «**Экология. Иммунология. Здоровье**». 2016.
- Г. М. РЕЗНИК, вице-президент Федеральной палаты адвокатов, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП. «**Истина и справедливость в правосудии**». 2016.
- Г. МЕТТАН, писатель, журналист, общественный деятель. «**Взгляд с Запада: русофобия от Кара Великого до последних Олимпийских игр в Рио**». 2016.
- Г. А. ГАДЖИЕВ, судья Конституционного Суда РФ, Почетный доктор СПбГУП. «**Юридическая картина мира**». 2016.
- Н. Б. ПОЧИНОК, ректор Российского государственного социального университета. «**Социальное предпринимательство: от экономики накопления к экономике позитивных преобразований**». 2017.
- Дж. К. ГЭЛБРЕЙТ, профессор Техасского университета (США). «**Государство хищника и отравленная чаша: размышления о политике и экономике в Америке и Европе**». 2017.
- С. Ю. ГЛАЗЬЕВ, советник Президента РФ, академик РАН. «**Актуальные проблемы развития российской экономики**». 2017.
- А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ, академик РАН, главный научный сотрудник Института государства и права РАН. «**Взаимодействие правовых систем**». 2018.
- П. П. ТОЛОЧКО, академик РАН и НАН Украины, почетный директор Института археологии НАН Украины, Почетный доктор СПбГУП. «**Киев и Новгород: у истоков Древней Руси**». 2018.
- В. А. ТИШКОВ, академик РАН, научный руководитель Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. «**Российский народ: пространство и культура**». 2018.
- У. де ШАВАНЬЯК, Генеральный консул Французской Республики в Санкт-Петербурге. «**Роль Франции в международном диалоге культур**». 2018.
- А. Д. КОРОЛЬ, ректор Белорусского государственного университета. «**Куда идет педагогическая наука (Возможна ли дидактика молчания?)**». 2018.
- В. В. МИРОНОВ, член-корреспондент РАН, декан философского факультета и заведующий кафедрой онтологии и теории познания МГУ им. М. В. Ломоносова. «**Трансформация культуры в пространстве глобальной коммуникации**». 2019.
- М. С. ГУСМАН, первый заместитель генерального директора Информационного агентства России «ТАСС». «**Ложные новости как угроза мировой стабильности**». 2019.
- Т. Я. ХАБРИЕВА, академик РАН, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. «**Право в условиях цифровизации**». 2019.
- А. А. оглы АЛИЗАДЕ, президент Национальной академии наук Азербайджана, академик НАН Азербайджана, директор Института геологии и геофизики. «**Современная наука Азербайджана**». 2019.
- В. А. ЧЕРЕШНЕВ, академик РАН, главный научный сотрудник Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, Почетный доктор СПбГУП. «**Успех. Как становятся нобелевскими лауреатами**». 2019.
- П. П. ТОЛОЧКО, академик РАН и НАН Украины, почетный директор Института археологии НАН Украины, Почетный доктор СПбГУП. «**Русский мир и Украина**». 2019.
- А. А. КЛИШАС, председатель Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. «**Конституционное развитие России. Актуальные проблемы**». 2019.
- А. А. ЛИХАНОВ, писатель, председатель правления Российского детского фонда, академик РАО, Почетный доктор СПбГУП. «**Проблемы современного детства**». 2019.
- А. А. АКАЕВ, иностранный член РАН, президент Киргизской Республики (1990–2005). «**Экономическое развитие российского пространства**». 2019.
- И. О. АБРАМОВА, член-корреспондент РАН, член Президиума РАН, директор Института Африки РАН. «**Геополитическая схватка за Африку**». 2019.
- А. Н. САВЕНКОВ, член-корреспондент РАН, директор Института государства и права РАН. «**Философия права и глобальный кризис современности**». 2019.
- А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ, академик РАН, главный научный сотрудник Института государства и права РАН. «**Система правового регулирования внешнеэкономических связей**». 2019.
- К. Ф. ЗАТУЛИН, первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы РФ по делам СНГ. «**Россия и мир: риски и перспективы**». 2019.
- А. ЛАММИЛА, Генеральный консул Финляндии в Санкт-Петербурге. «**Укрепление доверия — фундамент финского общества**». 2019.
- Чж. БАЙЧУНЬ, директор Центра изучения русской культуры, профессор Института философии Пекинского педагогического университета. «**Китай и Россия: философский диалог**». 2019.

- В. А. ЧЕРЕШНЕВ, академик РАН, научный руководитель Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, Почетный доктор СПбГУП. **«Медицина в XXI веке»**. 2020.
- Чж. БАЙЧУНЬ, директор Центра изучения русской культуры, профессор Института философии Пекинского педагогического университета. **«Вера и философия: опыт России и Китая»**. 2020.
- Н. А. БЕЛЯКОВ, академик РАН, директор Северо-Западного окружного центра по профилактике и борьбе со СПИД. **«Вирус иммунодефицита — опасность для человека»**. 2020.
- В. А. ЧЕРЕШНЕВ, академик РАН, научный руководитель Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, Почетный доктор СПбГУП. **«Болезни XXI века: от нового коронавируса до прионов»**. 2020.